КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

КТО КОГО ОДУРАЧИЛЪ?

— Ахъ онъ безмозглый хохолъ! говорилъ Андрей Степановичъ, вставъ, въ нетерпѣніи, со стула, закинувъ руки за спину и расхаживая по комнатѣ: — ахъ онъ баранъ барановичъ! дуракъ! Вотъ затесалась ворона въ высокіе хоромы! Да хоть–бы онъ вотъ тутъ немножко у себя постучался, продолжалъ онъ, остановившись передъ барыней въ наборномъ чепцѣ, ударяя себя пальцами въ лобъ: — ну не–ужь–то онъ не можетъ разсудить, что ему Маши не видать, какъ ушей своихъ? Ну ему ли соваться ко мнѣ въ зятья?»

— Все слѣпотствующая любовь, страсть необсудительная, отвѣчала чувствительная казначейша, которая сильно начиталась страстей, съѣла зубы на Марлинскомъ и знала наизустъ всего Пушкина: — что дѣлать, простительно–съ, ей–Богу,

простительно; первая любовь, сами изволите знать, Андрей Степанычъ…

— Подите вы съ своей любовью! Ни первой, ни послѣдней я знать не хочу… ха, ха, ха! Да о чемъ же я разгорячился? Мальчишка, больше ничего; пустяки, вздоръ. Ну, сударыня моя, хоть вы и остереглись, правда, не свахой отъ этого безмозглаго хохла пріѣхали, а такъ, будто, то–есть сообщили вѣсточку, которая къ слову пришлась, а ужь не миновать вамъ того, что принять отъ меня порученіе попросить своего запорожца, чтобъ онъ впередъ миновалъ крыльцо мое. Доложите ему, какъ тамъ себѣ хотите, что–де отъ нашихъ воротъ есть поворотъ, люби насъ, а ходи мимо. Такъ, такъ, сударыня — и полно.

Въ тотъ же день, распростившись съ чувствительною казначейшей, Андрей Степановичъ пошелъ къ дочери и по первому, нежданому слову заставилъ ее побагровѣть до самыхъ рѣсницъ, опустить глаза на–земь и стоять передъ отцомъ молча, едва переводя духъ, съ крупными

двумя слезами на глазахъ. Андрей Степановичъ, впрочемъ, долго не мучилъ ее, а считая все это, какъ самъ выражался, вздоромъ, пустяками, ребячествомъ, ограничился отеческими приличными наставленіями, стараясь возбудить въ Машѣ презрѣніе къ такому жалкому, ничтожному по чину, званію и богатству существу, каковъ былъ бѣдный, заѣзжій хохолъ; затѣмъ отецъ поцаловалъ ее, намекнувъ на жениховъ знатныхъ, съ именемъ, почетомъ и достаткомъ. Маша всему этому молча покорилась, только много плакала одна, когда отецъ ушелъ.

Андрей Степановичъ былъ вдовый, богатый и гордый столбовой дворянинъ, который считался въ этомъ отношеніи однимъ изъ первыхъ украшеній губерніи. Кромѣ благородныхъ забавъ, картъ, домашняго волокитства и охоты, онъ не занимался ничѣмъ, но за–то жилъ весело и раздольно. Правда, что жизнь такая довольно–заманчива: какъ поглядишь на плотнаго, здороваго барина, который до–сыта пользуется своею независимостью и

которому покорствуетъ все на пространствѣ тысячи квадратныхъ верстъ (100 т. десят.), то невольно подумаешь про–себя, по–крайней–мѣрѣ глядя со стороны, что это–де несовсѣмъ–худо... Но я хотѣлъ только сказать, что Андрей Степановичъ любилъ охоту, держалъ огромную и знаменитую псарню, изъ которой, подъ страхомъ всяческихъ наказаній, ни одинъ щенокъ не попадалъ въ постороннія руки. Если имѣніе и было заложено, то, по–крайней–мѣрѣ, никто не могъ доказать, чтобъ это сдѣлано было собственно въ пользу собакъ, потому–что и другихъ, неменѣе–значительныхъ предметовъ расхода оказывалось великое множество. Явленіе съ чувствительной казначейшей происходило именно дня за три до выѣзда Андрея Степановича, со всѣмъ охотничьимъ поѣздомъ, въ отъѣзжее поле, недѣли на двѣ или на три, къ чему всегда приглашались всѣ окружные помѣщики, понимавшіе толкъ въ этомъ дѣлѣ, а также нѣсколько знакомыхъ стрѣлковъ изъ сосѣдняго губернскаго города, да кромѣ–того еще при

увеселеніяхъ этихъ былъ необходимъ вольный или невольный шутъ, дурачокъ, котораго постригали въ званіе это для потѣхи цѣлаго общества. Съ большою ловкостью вся вольница эта умѣла держать бѣдную жертву свою въ–теченіе двухъ недѣль въ назначенномъ ему положеніи и званіи; тутъ не помогало этому человѣку ничего — ни гнѣвъ, ни добродушіе, ни умъ или ловкость — коли трое говорятъ, что пьянъ, то поди и ложись; здѣсь все устроивалось и подготовлялось съ постоянною цѣлью: дурачить человѣка кругомъ и со всѣхъ сторонъ, день за день и каждый часъ; самая прислуга, которая чрезвычайно рада подобному случаю, была до–того наметана и пріучена, что бѣднякъ, попавшись однажды, сидѣлъ въ тенетахъ весь, какъ онъ есть, и никакими способами не могъ избавиться отъ наложенной на него, по приговору общества или одного Андрея Степановича, должности шута. Конечно, для этого вообще избирались люди неслишкомъ–взыскательные, которые должны были поставить себѣ за особенную

честь самое приглашеніе и пріемъ въ такое избранное общество, гдѣ, какъ само–собою разумѣется, между–прочимъ, шампанское постоянно лилось рѣкой.

Когда Андрей Степановичъ успокоился нѣсколько послѣ нанесеннаго ему чувствительнаго казначейшей оскорбленія и сталъ распоряжаться по предстоящему празднеству, то ему показалось какъ–нельзя–болѣе кстати, опредѣлить на это время въ дураки именно того хохла, который вздумалъ (дерзость неслыханная!) влюбиться первою любовью, какъ изъясняла казначейша, въ дочь его, Андрея Степановича. Онъ такъ восхитился этою мыслью, что, сидя одинъ передъ окномъ и глядя на прачекъ, полоскавшихся подъ мостомъ, вскочилъ съ мѣста, щелкнулъ пальцами и громко захохоталъ. Человѣкъ, слуга то–есть, полагая, что баринъ ударилъ въ ладоши, вошелъ; но Андрей Степановичъ, оглянувшись и сказавъ: «ничего, дуракъ, не о тебѣ рѣчь идетъ», продолжалъ ходить съ трубкой по комнатѣ и радоваться, какъ ребенокъ, своей

находкѣ. Не говоря уже о томъ, что дуракъ прошлогодняго отъѣзжаго поля былъ слишкомъ–вялъ и глупъ, оканчивая притомъ, иногда очень–некстати, шутки свои тѣмъ, что съ утра нарѣзывался мертвецки–пьянымъ, почему и оказывался ни къ чему болѣе неспособнымъ, Андрей Степановичъ полагалъ также, что это будетъ однимъ изъ лучшихъ уроковъ для хохла, котораго онъ, мимоходомъ сказать, видно умѣлъ хотя нѣсколько оцѣнить, предполагая, что тотъ не перенесетъ этого равнодушно и, какъ человѣкъ оскорбленный и опозоренный, унесетъ свою бѣдную голову куда–нибудь подальше отъ людей. Андрей Степановичъ свиснулъ, закричалъ: «эй!» и хлопнулъ въ ладоши. Слуга вошелъ. «Позвать Дергалова!» Первый ловчій вошелъ. «Послушай» сказалъ Андрей Степановичъ, улыбаясь и разставивъ обѣ ноги пошире, между–тѣмъ, какъ руки закинуты были на спину, подъ сюртукъ: «послушай, знай и отдай потихоньку приказаніе: шутомъ будетъ у насъ Кумаченко — знаешь, хохолъ этотъ,

какъ его?» — «Знаю–съ». — «Ну, ступай, да смотри, одурачить его хорошенько — слышишь? Всѣ продѣлки съ нимъ выдѣлать».

Кумаченко былъ дѣйствительно, по уму и сердцу, настоящій хохолъ: человѣкъ вовсе–неглупый, даже довольно–умный и разсудительный, но съ какою–то особою складкою ума, которая иногда клонилась къ чудачеству; ему также Богъ далъ на долю небольшой запасецъ замысловатости, подъ личиною простодушія, безъ чего ни одинъ малороссъ не можетъ жить на свѣтѣ, особенно между москалями, частицу лѣни, упорства, но притомъ доброе, теплое сердце, сочувствіе къ художествамъ и созерцательную наклонность; если его раздражали, что, по долготерпѣнію его, случалось рѣдко, то онъ нескоро забывалъ обиду и охотно мстилъ. Заѣхавъ на службу въ отдаленную русскую губернію, онъ–было скоро обжился и свыкся со многими, но, по неопытности своей и наклонности сводить тѣсную дружбу при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, чѣмъ бы до причалу

подержаться на шестахъ и опознаться, онъ уже нѣсколько разъ ожигался и все болѣе–и–болѣе склонялся къ одиночеству. Наружность и пріемы его, въ–сущности благообразные и приличные, несмотря на это, частенько возбуждали веселость зубоскаловъ, потому–что въ нихъ было что–то особенное; а южное произношеніе, при которомъ еще нерѣдко вырывались отъ полноты души родныя выраженія радости, печали, удовольствія, гнѣва или ласки, довершали въ глазахъ многихъ чудачество Кумаченка.

Любовишка его длилась уже около года и нравъ его вовсе не склоненъ къ измѣнчивости и непостоянству. Такой человѣкъ, какъ Кумаченко, могъ бы скорѣе изнывать десять лѣтъ въ безнадежной страсти, чѣмъ отказаться отъ этого смѣлаго выбора убѣжденіемъ и силою воли. Конечно, былъ онъ, по принятымъ свѣтскимъ понятіямъ, вовсе не чета Марьѣ Андреевнѣ, ни она ему; но что же вы будете дѣлать съ упрямымъ хохломъ, который

предается безотчетно влеченію своего причудливаго сердца?

Маша съ своей стороны была тутъ, конечно, также не безъ вины; Кумаченко былъ не дуракъ, и потому не влюбился бы очертя голову тамъ, гдѣ не нашелъ бы ни отвѣта, ни привѣта. Оставшись ребенкомъ сиротой, она провела десять лѣтъ до возмужалости своей въ одиночествѣ: отецъ былъ добръ къ ней, но крайне–беззаботенъ и безтолковъ, когда дѣло касалось воспитанія; мадамы разнаго вида, старыя, молодыя, плотныя, худощавыя, чередовались одна за другою и смѣнялись прежде, чѣмъ ребенокъ успѣвалъ сколько–нибудь привыкнуть къ нимъ. Сначала взята была женщина въ лѣтахъ, но она вскорѣ надоѣла Андрею Степановичу и онъ взялъ гдѣ–то молодую, очень–благовидную, съ которою въ первое время уживался хорошо, но по частымъ отсутствіямъ его отъ дома, вмѣшался кто–то посторонній; а какъ дружбы самъ–третей на свѣтѣ не бываетъ, то мамзель, исправлявшая должность мадамы, должна была съѣхать; поступила

третья, также очень–видная, выписанная за большія деньги изъ–за границы, но та сама покинула черезъ полгода честь и мѣсто, оставивъ въ домѣ, какъ гласилъ позорный временникъ, одну только память по себѣ: какую–то полновѣсную оплеуху. Такимъ–образомъ бѣдная Маша переходила съ рукъ на руки, и будучи при живомъ отцѣ истинно–круглой сиротой, выросла, возмужала; грудь ея давно согрѣлась горячимъ и нѣжнымъ сердцемъ, а у нея не было никого, въ комъ бы она могла возбудить сочувствіе, не только любви, въ смыслѣ тѣсномъ, но и въ общемъ, любви родственной и дружбы.

Случай сблизилъ ее разъ–другой съ Кумаченкомъ, который былъ простъ и привѣтливъ въ обращеніи, въ обществѣ веселъ, пѣлъ довольно–чисто и пріятно выказывалъ всякому теплое чувство свое и какую–то обаятельную задушевность. Маша была побѣждена этимъ съ перваго раза; молодые люди поняли другъ друга безъ толмача и вскорѣ Кумаченко бродилъ, не слыша подъ собою земли, и плакалъ и

смѣялся по одной только Машѣ. Онъ понималъ, что этотъ кусъ не для его устъ, но отрѣшиться отъ нея не могъ и не хотѣлъ, то отчаянно надѣялся, то безнадежно отчаявался и, нанимая жилье у чувствительной казначейши, невольно проговорился ей, потомъ привыкъ бесѣдовать съ нею о блаженствѣ и бѣдствіи своемъ и наконецъ, сбившись вовсе съ толку и потерявъ всякое соображеніе, присталъ къ ней неотступно сватать за него Машу, съ тѣмъ–де, что пусть будетъ что Богу угодно. Мы видѣли, какъ она исполнила это порученіе: она и подумать не смѣла о томъ, чтобъ точно сватать дочь Андрея Степановича за хохла Кумаченка, но она избрала среднюю дорогу, явившись чѣмъ–то среднимъ между свахой и простой вѣстовщицей и притомъ сдержала данное Кумаченку слово увѣдомить Машу о порученіи друга ея.

Когда стали собираться на охоту, къ которой былъ приглашенъ и Кумаченко, какъ искони было обыкновеніе приглашать всякаго, кто считался охотникомъ, то

хохолъ нашъ не хотѣлъ вовсе ѣхать, огорченный и разочарованный тѣмъ, что онъ называлъ неудачей, хотя всякій другой смѣялся этому сватовству и считалъ очевиднымъ, что тутъ никакой удачи и быть не могло. Но слухъ о распоряженіяхъ Андрея Степановича насчетъ пострижки хохла въ шуты уже распространился; молодёжь перешепнулась, забѣгала и рѣшила, что Кумаченка надо везти на охоту во что бы ни стало, иначе все предположенное веселье рушится. Подослали человѣка, который успѣлъ убѣдить Кумаченка разными доводами, что ему гораздо–лучше будетъ ѣхать, особенно, чтобъ не подать повода къ сплетнямъ и пересудамъ о неудачномъ сватовствѣ, и всѣ, напередъ уже потирая руки, хохотали до слезъ, воображая, какъ это будетъ весело и сколько предстоитъ имъ невинныхъ удовольствій. Наканунѣ отъѣзда зналъ объ этомъ весь городъ; ни въ одномъ домѣ не было инаго разговора, какъ о томъ, какъ будутъ дурачить Кумаченка, и всѣ барыни и барышни наказывали мужьямъ,

братьямъ и пріятелямъ своимъ разсказать, по возвращеніи, во всей подробности, какъ и что происходило.

Мы сказали уже, что Кумаченко былъ–таки порядочный чудакъ, да кромѣ–того онъ былъ на охотѣ горячъ и опрометчивъ, почему и нисколько неудивительно, особенно при такихъ всеобщихъ усиліяхъ, что его дурачили на каждомъ шагу. Началось тѣмъ, что нашколенные люди Андрея Степановича успѣли украсть у него на–время ружье и вымазать затравку саломъ; поэтому все утро перваго дня, между–тѣмъ, какъ повсюду раздавались выстрѣлы и зайцы сбивали стрѣлка нашего съ ногъ, онъ провелъ только въ безполезныхъ проклятіяхъ на непонятныя вспышки и осѣчки, прочищалъ, протравливалъ, разряжалъ и продувалъ ружье и снова не видалъ отъ него никакой службы, кромѣ вспышекъ и осѣчекъ, а затѣмъ, всеобщаго удовольствія своихъ товарищей.

За завтракомъ не обобралъ онъ колкихъ насмѣшекъ и шуточекъ, но къ вечернему

полю успѣлъ снова промыть и исправить свою фузею, такъ–что по первому выстрѣлу убилъ зайца. Погорячившись затѣмъ и давъ нѣсколько промаховъ, онъ только–что соображалъ, въ досадѣ своей, отчего бы это могло случиться и не легчитъ ли ружье его, не подбиты ли зайцы? — какъ вдругъ услужливый доѣзжачій Андрея Степановича, подноситъ ему почтительно зайца, испрашивая позволенія второчить его на лошадь Кумаченка, которая стояла въ нѣкоторомъ разстояніи, подъ присмотромъ даннаго ему стремяннаго. «Это вашъ заяцъ, сударь, сказалъ доѣзжачій, «вы изволили убить его, онъ упалъ вонъ тамъ, за кустикомъ». Кумаченко поблагодарилъ и, разумѣется, былъ доволенъ удачей. Черезъ пять минутъ ему приносятъ другаго, а тамъ и третьяго зайца, и хотя это уже показалось Кумаченку нѣсколько–сомнительнымъ, но чинный и почтительный видъ прислуги, ясныя доказательства ихъ, что эти зайцы точно убиты были имъ, а пуще всего обычное всякому охотнику самолюбіе и запальчивость, заставляли Кумаченка

смалчивать и соглашаться. Облава кончена; все общество, какъ–будто по уговору — а условный знакъ былъ поданъ черезъ рогъ — собралось около Кумаченка; надобно ѣхать дальше; подводятъ лошадей... и на кумаченкиной лошади второчено уже не три, а, можетъ–быть, до тридцати зайцевъ; она черезъ силу несетъ на себѣ гору эту и хозяину рѣшительно нѣтъ на сѣдлѣ мѣста. Это называется обвѣшать охотника и въ строгомъ смыслѣ употребительно тогда только, когда горяченькій новичокъ, съ ружьемъ или съ собаками, начинаетъ спорить за каждаго зайца, утверждая, что онъ его убилъ, или что его собака зайца поймала. Какъ бы то ни было, а начало это было довольно–тягостно для Кумаченка; онъ догадался по этой шуткѣ и всеобщему веселью, что его постригли въ дураки.

Только–что тронулись къ слѣдующему острову и переѣхали поле, какъ псарь подвернулся очень–ловко къ Кумаченку, отставшему нѣсколько отъ шумной толпы, и, подмигивая, указывалъ въ сторону. «Что такое?» спросилъ тотъ. «Я проѣхалъ тутъ

стороною» отвѣчалъ псарь таинственно, «да заподозрѣлъ въ ўзерку русака... да какой матерой! Лежитъ, да глядитъ на меня; я и подумалъ: пусть–де проѣдутъ господа, а это баринъ добрый, дастъ на водку, ему укажу». Хохолъ мой схватилъ ружье съ плеча и отправился за псаремъ. «Вонъ, вонъ» повторялъ тотъ, спѣшившись, ведя за собою Кумаченка и обходя русака на кругахъ: «вонъ лежитъ, уши прижалъ»... Еслибъ стрѣлокъ мой въ это время оглянулся, то онъ бы увидѣлъ, что все общество остановилось на возвышенiи, въ нетерпѣливомъ ожиданiи развязки; но какой же охотникъ отведетъ въ такое мгновенiе глаза отъ дичи? Хохолъ приложился, убилъ русака, подхватилъ его и, оглянувшись, удивился только немного тому, что псаря уже не было: онъ за добра–ума убрался и во весь день не показывался на глаза Кумаченку, какъ это всегда водится въ подобныхъ случаяхъ. Толпа въ ту же минуту наскакала съ поздравленiями. Андрей Степановичъ, не подавая никакого вида, смотрѣлъ на все съ

высоты своего величія, сидя на лошади, но услужливые блюдолизы его тотчасъ же принялись ощупывать и осматривать матераго русака и нашли у него, къ крайнему изумленію Кумаченка, спрятанную въ одно ушко записочку, въ которой заяцъ извинялся очень–вѣжливо передъ нимъ въ томъ, что былъ убитъ часа за два передъ этимъ такимъ–то. Поздравленія еще усилились и общее веселье и радость превзошли всякіе предѣлы: записочка переходила изъ рукъ въ руки и была каждымъ прочитана снова вслухъ.

Но всего этого мало: повторяю, коли трое говорятъ, что ты пьянъ, то молчи, иди скорѣе и ложись спать; какъ кто ни вертись въ положеніи нашего бѣднаго хохла, а найтись и отклонить отъ себя всѣ подведенныя общимъ согласіемъ мины очень–трудно; остается только развѣ не шутя разсердиться и разбранить всѣхъ, что, впрочемъ, обыкновенно также выходитъ довольно–глупо. Нѣчего дѣлать, Кумаченко рѣшился терпѣть, покуда

станетъ терпѣнья, и отшучиваться, какъ Богъ на умъ положитъ. Поэтому въ этотъ и на слѣдующій день было еще много продѣлокъ съ нимъ, такъ–что ему поистинѣ не давали ступить шагу безъ подготовленной къ общему удовольствію штуки, и потѣха была велика. Его подвели и заставили выстрѣлить, такъ же, какъ по зайцу, по привязанному на деревѣ мертвому тетереву; убитыхъ имъ съ великимъ трудомъ пятерыхъ тетеревей подмѣнили, и подали вмѣсто того, къ общему смотру, пять лысухъ, причемъ восклицаніямъ изумленія не было конца и не могли надивиться, какимъ образомъ Кумаченко стрѣляетъ лысухъ въ бору, съ дерева; отдавали ему вечеромъ перваго дня, по общему приговору, почетъ, какъ увѣряли на охотничьихъ правилахъ, признавъ его, за три десятка убитыхъ имъ зайцевъ, царемъ охоты и постановивъ, чтобъ всякій говорилъ съ нимъ, держа шапку въ рукахъ и пр. Наконецъ, когда бѣднякъ сталъ уже очень–остороженъ и шутки эти начинали ему крайне надоѣдать, выпустили противъ

него изъ кустовъ живаго зайца, котораго онъ и убилъ и даже самъ второчилъ, но который, къ–несчастью, оказался кошкой, зашитой въ заячью шкуру; по живучести своей, она, будучи привязана къ сѣдлу за заднія ноги, ожила, принялась царапать лошадь передними лапами, а лошадь стала бить задомъ и передомъ, понесла, сбила сѣдока и изломала ружье его. Кошка эта, получившая названіе тумана, возвела удачнымъ притворствомъ своимъ всѣхъ на высшую степень удовольствія, и никто не помнилъ, чтобъ когда–нибудь было такъ весело; на слѣдующій же день, когда Кумаченко, обрадовавшись ломкѣ ружья своего, хотѣлъ отправиться домой, еще таки–успѣли его удержать, потому–что комедія не была кончена. Ему подали извѣстное гостинное ружье Андрея Степановича, чистой тульской работы, которое было сдѣлано на–заказъ, съ–тѣмъ, чтобъ стрѣлокъ никогда не могъ попасть въ цѣль: оно било аршина полтора выше цѣли и вправо. Послѣ этого уже, конечно, немудрено было, что Кумаченко,

независимо отъ большаго или мѣньшаго искусства стрѣлять, впродолженіе цѣлаго дня не убилъ ни одной штуки, и что, слѣдовательно, по заведенному, прадѣдовскому обычаю, за обѣденнымъ столомъ въ чистомъ полѣ ему поднесли, съ музыкой и торжествомъ, особенное, послѣднее блюдо: шапку, украшенную ослиными ушами.

— А, да чортъ бы васъ взялъ! сказалъ Кумаченко, выведенный изъ терпѣнья, и вскочилъ съ мѣста: — сами вы ослы, а на другихъ шапки надѣваете... Всѣ бросились ублажать и успокоивать его, потому–что такой исходъ дѣла могъ испортить всѣ шутки; но хохолъ нашъ, рѣшившись разъ высыпать обществу сердце свое, не поддавался уже ни на какія прельщенія, а отдѣлился отъ прочихъ; и когда всѣ сѣли на коней и поѣхали къ ночлегу, то онъ своротилъ въ сторону и поѣхалъ шагомъ домой, въ городъ.

Грустно, и скучно, и больно ему было, а Маша не выходила изъ ума. «Что» подумалъ онъ, «еслибъ я теперь поѣхалъ не

въ городъ, а на село къ этому мошеннику, къ Андрею Степанычу, да еслибъ мнѣ Богъ пособилъ увидаться, хоть только увидаться съ Машей... А что жь? Безъ него не выгонятъ же меня; я могу даже придумать отъ него какое–нибудь порученіе; онъ прошатается еще недѣли двѣ по окружности и, вѣроятно, даже не узнаетъ, что я у него былъ...»

Кумаченко, задумавшись крутою думою и сказавъ про–себя: «Что жь я буду дѣлать, коли я не могу ее забыть?», повернулъ лошадь прямѣйшимъ путемъ, черезъ поля и горы, на усадьбу Андрея Степановича, и пустилъ ее ходою, а тамъ и рысью. Поѣхавъ черезъ часъ, для передышки лошади, шагомъ, онъ запѣлъ свою пѣсню и пѣлъ ее до слезъ, а тамъ опять пустился рысью. Довольно–поздно вечеромъ онъ въѣхалъ на широкій дворъ богатаго помѣщика и струсилъ до–того, что готовъ былъ опять воротиться. Но собаки залаяли, люди вышли, онъ сошелъ съ коня, сказавъ, что Андрей Степановичъ поручилъ ему провѣдать барышню на перепутьи.

Хохлу повезло счастье: мамзель, исправляющая должность мадамы, была несовсѣмъ–здорова, не одѣта, и потому не вышла; а не понимая порусски, она и не знала ни слова о томъ, что происходило за нѣсколько дней между отцомъ Маши и чувствительною казначейшей; поэтому она выслала питомицу свою въ гостиную принять гостя.

Послѣ немногихъ словъ, гдѣ оба были не въ своей тарелкѣ, Кумаченко оглянулся, замѣтилъ, что они одни и вдругъ доискался языка:

— Сердце мое, Марья Андревна сказалъ онъ: — да долго ли жь намъ такъ мучиться? Воля ваша, что хотите со мной дѣлайте, а я не вытерплю, не перенесу. Вамъ, можетъ–статься, ничего; а я, ей–Богу, вотъ пойду, да и утоплюсь. Марья Андревна, сердце мое, да скажите же, хоть на прощанье, любите ли вы меня или нѣтъ?.. да скажите, сдѣлайте милость, одно слово... О, коли любите, такъ развѣ жь намъ можно такъ убивать себя? И за что? Боже мой! кому оно нужно, все это добро?.. Богъ съ нимъ...

Слушайте, сердце мое, у меня есть свой маленькій куточекъ: хатка на рѣчкѣ, садъ... а вишень, вишень чтъ! хатки и не видно снизу, только съ горы, вся закутана въ яблоняхъ, грушахъ, вишняхъ, черешняхъ... душечко, Марья Андревна, сдѣлайте жь милость, поѣдемъ туда... Богъ съ нимъ, съ этимъ богатствомъ; поѣдемъ, Марья Андревна, сердце мое, а ну? поѣдемъ... поѣдемъ?..»

Словомъ, неотвязчивый Кумаченко, сдѣлавъ нападеніе это въ–расплохъ, не отсталъ отъ дрожащей, блѣдной дѣвицы, покуда не вымозжилъ изъ нея какой–то звукъ согласія; по–крайней–мѣрѣ такъ ему показалось, онъ былъ въ томъ увѣренъ, и потому тотчасъ же простился, съ восхитительными восклицаніями, которыя умѣрялись однимъ только страхомъ осторожности. Слѣдующій вечеръ, въ девять часовъ, назначилъ онъ для вторичнаго свиданія, объявивъ, что будетъ у нижней калиточки сада; и не дождавшись никакого отвѣта, который Маша и не была

въ–состояніи произнести, поцаловалъ ручку ея и скрылся.

Сѣвъ на лошадь, онъ забылъ, что она уже съ утра подъ сѣдломъ; къ полуночи былъ онъ дома. Онъ пытался дорогою нѣсколько разъ затянуть веселую пѣсню, пускалъ даже для этого коня своего вскачъ, потому–что рысью выходила одна икотка, но нашелъ и это неудобнымъ и ѣхалъ въ потьмахъ молча, рысью во всѣ лопатки. На другой вечеръ, въ исходѣ девятаго, онъ подъѣхалъ въ коляскѣ, низомъ по рѣчкѣ, до небольшаго лѣсочка подъ усадьбой Андрея Степановича; тутъ коляска, четвернею въ рядъ, остановилась, а сѣдокъ пошелъ пѣшкомъ до извѣстной калиточки: она была растворена настежь, какъ обыкновенно, а въ огромномъ саду все тихо и пусто. Воръ постоялъ, послушалъ, заглянулъ осторожно туда и сюда и прокрался подъ стѣной до главной, средней просади. И тутъ простоялъ онъ нѣсколько минутъ, притаившись за толстой березой и усильно прорѣзывая потьмы взорами, какъ увидѣлъ вдали что–то живое на этой

дорожкѣ. Сердце его забилось такъ, что онъ быстро оглянулся кругомъ, не услышитъ ли кто. Тѣнь медленно приближалась, остановилась еще въ далекѣ и повернула опять назадъ. «Боже мой!» вскричалъ хохолъ забывшись и протянувъ обѣ руки, и тѣнь остановилась. Онъ выбѣжалъ и подхватилъ ее, и тутъ счастье не измѣнило ему, видно ужь на то пошло: это была Маша, а вокругъ нея никого. Она не помнила, какъ ее вывели изъ сада, свели поспѣшно по тропинкѣ въ лѣсокъ, посадили въ коляску и помчали. Приходя въ себя, она дѣлалась нѣсколько разъ крайне–безпокойною, вырывалась изъ рукъ, но, успокоенная ласками жениха своего, падала опять въ изнеможенiи въ объятiя его. Верстахъ въ пятнадцати была приготовлена подстава; тутъ распоряжался слуга Кумаченка, Ахвтанасiй, какъ онъ называлъ себя, не желая назваться, по–домашнему, Панасомъ; далѣе прискакали въ село, гдѣ нашли двухъ или трехъ прiятелей Кумаченка, ожидавшихъ развязку этого дѣла съ большимъ нетерпѣнiемъ. «Вотъ

она, моя зозуленька!» сказалъ Кумаченко, обращаясь къ нимъ и указывая на Машу, которую велъ подъ–руки, «да и вамъ спасибо; на свѣтѣ таки не безъ добрыхъ людей».

Чету тотчасъ же обвѣнчали. Какъ это могло случиться — не спрашивайте; видно такъ же, какъ случается иногда, или случалось. Андрею Степановичу въ одно время дали знать съ усадьбы, что дочь пропала безъ вѣсти, а изъ города, что Кумаченко, недумано–негадано, высваталъ завидную невѣсту и уже обвѣнчанъ, а на–дняхъ ѣдетъ въ Малороссію. Бѣшенство Андрея Степановича ни къ чему не повело; года въ полтора онъ уходился, разсудилъ, что у него дочь однимъ–одна и что родовое имѣніе рукъ ея не минуетъ, а потому и помирился. Маша, въ новомъ положеніи своемъ, опомнилась и пришла въ себя почти также не прежде этого срока; она не понимала, какъ могло все это надъ нею статься, когда, какъ ей казалось, ни воли ея, ни рѣшимости и согласія на это не было. Кумаченко часто поминалъ отъѣзжее поле,

на которомъ его постригли въ дураки, и говаривалъ: «Дай Боже здоровья умнымъ людямъ, что изъ дурака сдѣлали человѣка: не будь тогда этого случая, сидѣлъ бы я о–сю–пору въ дуракахъ!»

В.ДАЛЬ